

Владимир
Санников

Записки
пристодушного

Жизнь в Москве

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2018

УДК82/821
ББК 84-4
С 18

Санников В. З.

С 18 Записки простодушного. Жизнь в Москве. — М.:
Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры,
2018. — 256 с. — *(вклейка)*

ISBN 978-5-94457-341-4

Данная книга — воспоминания автора о жизни в Москве с 1955 г. Живо и с юмором описывается научная и общественная жизнь Института Академии наук в «период оттепели», их «золотой век», сменившийся периодом «смуты» в 60–70-х, изгнание из Академии по политическим мотивам автора, его товарищей и коллег.

Описывается путь автора в науке, приводятся материалы из его книг, посвящённых языковой шутке, и наблюдения над способами создания каламбура и других видов комического.

Записки по содержанию — очень пёстрые. «Гайны лингвистического двора» перемежаются с описаниями зарубежных поездок, походов по Подмосковию, дружеских застолий с шутками и анекдотами; замечания о науке, литературе, судьбах России — с описаниями семейного быта, детского лепета, а весёлые, комические сценки сменяются событиями поистине драматическими. Но... такова сама жизнь.

В Приложении даётся ранее не публиковавшийся рассказ автора о Гражданской войне — «Записки красного командира».

УДК 82/821

ББК 84-4

*На обложке изображен
Институт русского языка им. В. В. Виноградова*

ISBN 978-5-94457-341-4

9 785944 573414 >

© В. З. Санников, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018
© Языки славянской культуры, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Аспирантура	9
Институты — языковедения и русского языка	13
Сектор сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков	17
Спорт	21
О нашей работе	22
Работа в Совете министров СССР	22
Письма трудящихся	24
Что читали и что смотрели?	25
Моя библиотека	35
Я, мои друзья, мои враги, мои друзья-враги	37
Походы по Подмосковию	47
Мы — колхозники	53
Я — геолог	58
О вопросах мироздания, эволюции, религии	64
Об исторических судьбах России	69
О Галиче	73
Об анекдоте (Вперёд, к победе коммунизма!)	75
Смута	82
Информэлектро	102
Институт проблем передачи информации	105
Зарубежные командировки	109
Польша	109
Франция	113
США	115
Германия	117

Записки простодушного

МЕСТНЫЕ КОМАНДИРОВКИ	120
Узбекистан	120
Грузия	121
Армения	122
Ленинград (Петербург)	122
HAPPY END?	127
МОЯ СЕМЬЯ	135
Детский лепет	141
О братьях наших меньших	154
ЛЕТНИЕ ОТПУСКА	162
Воткинск	162
Эстония	166
Крым	167
Юрмала	169
Абхазия	172
Польша	175
Мой путь в НАУКЕ	179
О ЮМОРЕ, О ЯЗЫКОВОЙ ШУТКЕ	186
Что такое юмор?	186
«Обманутое ожидание» и «комический шок»	193
Виды юмора. Предметные и языковые шутки	194
Комизм вольный и невольный.	
«Незаконнорожденные» каламбуры	196
Установка на комическое	199
Функции языковой шутки	199
Некоторые языковые приёмы создания комического	211
ЗАИГРЫВАНИЕ С МУЗОЙ	217
ИТОГИ	221
ПРИЛОЖЕНИЕ. КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ (Записки красного командира)	225

Моим милым детям — Ольге и Андрею

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первые части моих воспоминаний («Картинки моего детства»; «Юность. Несколько мгновений счастья») были опубликованы в 2001–2003 гг. в журнале «Москва», а затем вышли отдельной книжкой («Записки простодушного». М., 2003).

Несмотря на положительную оценку читателями моих мемуаров, я многие годы не мог вернуться к их продолжению. Наверно потому, что некоторые воспоминания московского периода моей жизни причиняли острую боль. С годами она притупилась, и я, по настоянию моих детей, Ольги и Андрея, решил вернуться к своим мемуарам. Надеюсь, что они тоже небезынтересны, в частности, события 60–70 гг., когда в Москве, в стенах небольшого здания на Волхонке, рядом с Гоголевским бульваром тоже — «были схватки боевые» и, помню я, ещё какие!

Я старался строго придерживаться правды. *«Старому врать, что богатому воровать».*

Скажу ещё, что без советов и помощи моих детей ни первая часть моих воспоминаний — «Записки простодушного», ни предлагаемое вашему вниманию их продолжение не были бы написаны.

Бесконечно признателен им, жене Светлане Кузьминой, а также коллегам и друзьям, ознакомившимся с работой или её частями и сделавшим много ценных замечаний. Это Ю. Д. Апресян, Л. П. Крысин, М. Я. Гловинская, Л. М. Иорданская, Ирина и Александр Лазурские и многие другие.

Записки мои по содержанию очень пёстрые. Лингвистика и «тайны лингвистического двора» перемежаются с описаниями зарубежных поездок, командировок, поездок в колхозы, походов по Подмосковию, дружеских застолий;

научные доклады — с детским лепетом, а весёлые, комические сценки сменяются событиями поистине драматическими. Но ведь такова сама жизнь, особенно долгая! Я разделил текст на небольшие разделы, и читатель всегда может пропустить то, что ему неинтересно.

* * *

АСПИРАНТУРА

Два слова о моих корнях (подробно я писал об этом в первой части воспоминаний).

Были в Еловском уезде Пермской губернии две деревни. В одной (Пески) жили старообрядцы, в другой (Мартьяново) — «мирские», никониане. Всего два километра отделяют деревни, а кажется, что между ними — каменная стена: даже заходить в чужую деревню избегали. И вот старовер, мой отец — Зиновий Санников, встретил «мирскую» девушку — Ефросинью Логунову, и они, жители враждующих деревень, полюбили друг друга (Ромео и Джульетта!). Поженились, несмотря на сопротивление родных, а потом сбежали от коллективизации в ближайший город — Воткинск. Там в 1931 г. и родился я, первенец. Отец устроился на работу водовозом. Развозя по учреждениям воду в зимние морозы на обледеневшей бочке, простудился, заболел туберкулёзом и умер в 29 лет, оставив четверых малых детей. А через год — война и трудные послевоенные годы. И мама сумела в тяжелейших условиях вырастить нас и дать образование! Я, старший, окончил в 1955-м историко-филологический факультет Пермского (Молотовского) университета. При распределении я, как обладатель диплома с отличием, мог занять неплохое место, но закрепил за собой окружённое озёрами и болотами село Пянтег на севере Коми-Пермяцкого округа, — поскольку кафедра русского языка дала мне рекомендацию в аспирантуру, и я надеялся поступить в аспирантуру Института языкознания Академии наук в Москве.

И вот я в Москве, где прожил всю оставшуюся жизнь.

Конец московской улицы Волхонка имеет богатую историю. Сначала тут размещался Алексеевский женский

монастырь, переведённый позднее в Красное Село, затем на его месте воздвигнут в 1839–1859 храм Христа Спасителя. В 1931-м он был снесён большевиками. Разбор храма продолжался вместо 10 дней, отведённых на это властями, несколько месяцев и всё-таки полностью не удался. Храм сопротивлялся, хотел жить, но для большевиков невозможного нет: 5-го декабря храм взорвали. От мощного взрыва тряслась земля в нескольких московских кварталах, а упрямый храм устоял. Пришлось делать второй взрыв. Сносили храм несколько месяцев, а строили — 20 лет, не считая скульптурной работы и росписи, занявших ещё 7 лет!

На месте храма начали строить величественный Дворец Советов — «стройку века», но война прервала строительство, и долгие годы там был вместо величественного дворца ого-роженный забором величественный пустырь. В 1960–1994-м на этом месте — плавательный бассейн «Москва». А затем — воскресение храма Христа Спасителя и его освящение 19 августа 2000 г. — событие знаменательное, своего рода знак покаяния — покаяния за тысячи снесённых православных церквей.

Это моё отступление может удивить: при чём тут моя аспирантура? А дело в том, что прямо на противоположной стороне Волхонки стояло, стоит (и, надеюсь, будет стоять) пережившее все эти бури небольшое скромное здание, подобное скромной гимназистке (да это и была попервоначалу женская гимназия). Вот к этому-то зданию, ставшему зданием Института языкознания АН (Академии наук) СССР, подошёл я, робкий провинциал, в начале сентября 1955-го.

Хорошо помню вступительные экзамены и подготовку к ним. Вот я готовлюсь к экзаменам, сидя за столиком в конференц-зале Института, а в противоположном конце зала за столом горячо обсуждают какие-то проблемы трое учёных. Среди них по фотографии узнаю «самого Реформатского», того, который написал замечательное «Введение в языкознание»!

Признаюсь, Александр Александрович меня при первом знакомстве разочаровал: замечательный учёный и — какие-то

шуточки! Вот он, задорно поблёскивая глазами, явно рассчитывая и на случайных людей, которые толклись в зале, читает стихи молодого поэта-солдата:

*Есть в итанах у солдата заветное место,
Это место дорожке солдату всего.
Это место — карман, и в нём фото невесты,
Что с победой домой ожидает его.*

Вспоминается также казус, связанный со вступительными экзаменами. На экзамене по русскому языку я, говоря о сложном предложении, в том числе о теории Н. С. Поспелова, произнёс громкую фразу: «Но мне кажется, что профессор Поспелов вместе с водой выплёскивает из ванны и ребёнка». И тут Реформатский (председатель комиссии) указал мне на маленького, скромного человека: «Познакомьтесь — профессор Николай Семёнович Поспелов». Я страшно смутился, но, к счастью, это было уже в конце экзамена.

Кроме меня успешно сдала приёмные экзамены в аспирантуру моя сокурсница Лия Андреева. В октябрьском номере (1955 г.) институтской стенгазеты «Русист» отмечалось, что при конкурсе 12 человек на место в аспирантуру поступили два выпускника Молотовского (Пермского) университета, и подчёркивалось, что этот университет даёт студентам отличную филологическую подготовку.

В небольшом здании Института языкознания на Волхонке — интернационал. Как у Пушкина в «Братьях-разбойниках»:

*За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племён, наречий, состояний!*

Сравнение академического института с шайкой разбойников выглядит кощунственным, но — посудите сами: у нас тут и смесь *племён, наречий* (кавказцы, угро-финны, турки, русские...), и смесь научных интересов (специалисты

по романским, германским, славянским языкам). Жили дружно, не было ни одной стычки на национальной почве. Особенно дружен я был с чувашем Сашей Феоктистовым и с двумя узбеками — Шамси Шакуровым и Борисом Джураевым. Первого (Шамси) безобидно, в шутку называли дехканином, второго — баем (возможно, потому, что он был из более состоятельной семьи). Я жил с ними в одной комнате в аспирантском общежитии. Помню, одна моя знакомая принесла в общежитие и подарила мне — черепаху (!). Может, подражала Аглае Епанчиной, подарившей князю Мышкину ежа. Меня подарок несколько озадачил, а у моих товарищей вызвал отвращение: в Узбекистане черепаха считается нечистым животным. Мы не раз сидели с Шамси и Борисом в ресторане «Узбекистан». На мои советы жениться на русских девушках и остаться в Москве они отвечали: «Нет, они смелые очень!».

«Лингвистический интернационал» прекратил своё существование в 1958 г., когда из Института языкознания выделился Институт русского языка (ИРЯЗ).

Я поступил в аспирантуру в 1955-м, уже после смерти Сталина, но следы сталинских порядков ощущались даже в этом тихом академическом институте. Выбранный секретарём комсомольской организации Института, я знакомился с делами организации и наткнулся на персональное дело сотрудницы Института Г. А. Золотовой. В начале войны она девчонкой поступила на военный завод, скрыв, что она — дочь кулака. «Почему Вы это сделали?» — «Я хотела служить народу в годы войны. Кто бы иначе меня на военный завод принял?». Комсомольское собрание сурово её осудило. Сохранился текст гневного выступления В. П. Даниленко: «Если человек способен солгать с благими намерениями, он способен солгать и с дурными».

ИНСТИТУТЫ — ЯЗЫКОЗНАНИЯ И РУССКОГО ЯЗЫКА

По окончании аспирантуры я — младший научный сотрудник, учёный секретарь Сектора восточнославянских языков Института языкознания (ИЯЗ) Академии наук СССР. У нас новоселье — переежаем с Волхонки на первый этаж здания в Китайском проезде. Рядом, на том же этаже — беспокойные соседи — отделение почты. Со временем сектор возвращают на Волхонку, но там уже другой институт — русского языка (ИРЯЗ). За давностью лет мне уже трудно следить за этой чехардой и указывать точно место тех или иных событий. Да это, думаю, не так уж и важно.

Какая приятная, деловая и дружеская атмосфера была до «брежневских холодов» в обоих институтах — их «золотой век»! В коридоре и на заседаниях встречаешь В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, М. В. Панова и других учёных, знакомых мне, провинциалу, только по учебникам. И к любому можешь обратиться за помощью и советом.

После выделения Института русского языка в 1958-м его директором стал замечательный учёный Виктор Владимирович Виноградов, автор книги «Русский язык. Грамматическое учение о слове», получившей в 1951 г. Государственную премию. В своё время Виноградов был сослан в Вятку (Киров), потом в Тобольск. Вернувшись в Москву, стал крупнейшим организатором нашей филологической науки: в 1950–1963 — академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, в 1950–1954 — директор Института языкознания, в 1958–1968 — директор Института русского языка АН СССР.

Виктор Владимирович был душой и совестью русистики, основателем Виноградовской школы, руководителем коллектива учёных, создавших первую академическую «Граматику русского языка» (1952–1954 гг.)

Помню, сидит он на заседании учёного совета в своей любимой позе, оперев в щёку указательный палец с большим ага-том (любил красивые вещи, старинную мебель). Казалось бы, довольно безучастный, чуть ли не спит. Большой насмешник Реформатский говорил: «Слушает Виноградов какой-нибудь доклад о значении такого-то падежа в творчестве такого-то писателя, а на лице выражение: «Ну что, всё можно. Можно о таком-то падеже у такого-то писателя рассуждать, можно шарики из говна катать». Но вот кончается доклад, и Виктор Владимирович делает очень глубокие замечания.

Запомнился 70-летний юбилей В. В. Виноградова. Отмечался он на широкую ногу, в Доме учёных на Пречистенке. Был приглашён цыганский хор (пели: «Витя, Витя, Витя, Витя, пей до дна!»). Иван Козловский, с бокалом в руке, пел про «влагу, пенящуюся в бокалах». Но ещё перед началом торжества меня и ещё одного аспиранта, членов комиссии по проведению торжества, предупредили, что эта *влага в бокалах* должна быть не водой, а настоящим шампанским. А у нас с ним совсем нет денег! Выручил зам. директора Института И. Ф. Протченко, который финансировал это мероприятие. Но — мои злоключения на этом не кончились. Когда мы выносили на сцену и ставили перед юбиляром громадную, тяжеленную корзину цветов, я почувствовал, что мои старые, ещё студенческих времён, брюки лопнули сзади, там, где «спина теряет своё благородное название»! Пятясь задом (*Подхалим!* — вероятно подумали некоторые зрители), я скрылся за кулисами.

В Институте царила атмосфера дружеского подшучивания. Помню шуточные переделки фамилий сотрудников-лингвистов: Добродомов — *Злоизбушкин*, Шеворошкин — *Заварушкин*, Долгопольский — *Долгоплотский*, Бромлей — *Бармалей* и т. д. Крайне критичную сотрудницу Людмилу

Леонардовну переименовали (кажется, тот же Реформатский) в *Людмилу Леонардовну*.

Рассеянность учёных стала притчей во языцех. Профессор Каблуков явился в университет в разноцветных туфлях — чёрном и коричневом. Коллеги посоветовали ему сходить домой (благо это недалеко) и переобуться. Скоро профессор вернулся, озадаченный: «Там есть другие туфли, но они тоже разноцветные!»

А я помню, как замечательный учёный-диалектолог Рубен Иванович Аванесов, заведующий сектором, пытается внести свой вклад в общее наше чаепитие: «Вот тут жена дала мне какую-то еду». И кладёт на стол дурно пахнущий пакет: он перепутал пакеты и выбросил в помойку пакет с едой, а нас угощает объедками.

А праздничные вечера, самодеятельность! Профессор В. И. Борковский хорошо поставленным баритоном поёт: «*В 12 часов по ночам из гроба встаёт барабанищик...*». Вера Коннова и Саша Полторацкий отплясывали канкан и Саша в конце лихо запустил в потолок соломенное канотье. А капусташки! Помню, Игорь Добродомов (Злоизбушкин) выходит на сцену с портфелем и с веником подмышкой, усиленно окает, играя роль молодого провинциала из Крыжополя. А вот капусташка на злободневную тему. Хитрая лиса уносит в корзинке двух доверчивых зайчат — отклик на переход молодых сотрудников Лопатина и Улуханова из сектора истории языка в сектор современного языка Н. Ю. Шведовой. Мне тоже предлагали перейти в этот сектор, но я отказался. И напрасно: работал бы над академической «Грамматикой современного русского литературного языка» (вышла в 1970 г.). Всё равно ведь со временем я перешёл от истории языка к исследованию его современного состояния.

Рассказывали мне об одном остроумном капусташке (к сожалению, я его не видел). Там профессор-фольклорист читает лекцию о частушке:

«Частушка — это такой жанг устного нагодного твогчества, где две пегвых стгоки по содегжанию не связаны зачас-туу с содегжанием двух последних. На-пги-мег:

*У мово милёнка в жопе
Поломалась клизма.
Пгизгак бродит по Евгопе,
Пгизгак коммунизма».*

Далее профессор, безбожно грассируя, объясняет, что частушка присуца не только русскому народу. Приводит старую чукотскую частушку:

*Медведя убили мы,
Эх, не поделили мы.
Приходил делить шаман,
Лучший кус ему в карман.*

Но пришли новые времена, и обездоленный чукотский народ запел новые песни. Показательный пример — частушка, которую профессору посчастливилось записать в экспедиции на Чукотку:

*Ночью тёмною окрест
К нам в ярангу вор залез.
Хорошо, что он залез
Не в родное МТС.*

«Беда пришла в ярангу бедного труженика, он ограблен, обездолен. Но он *«гад. Гад, что не постгададо общее достояние»* — то, что он трогательно, пусть не совсем грамматически правильно, называет *«годное МТС»* — вместо **родная МТС** (машинно-тракторная станция). Общее он уже ценит больше частного».

Устраивалось очень скромное, но весёлое чаепитие. В кулинаруи ресторана «Прага» закупали громадное количество слоёных пирожков с капустой. Женщины готовили «вкуснятину», представляли на конкурс торты с шутливыми назва-